ШАЛАМОВ И СОЛЖЕНИЦЫН: АРЬЕРГАРДНЫЕ БОИ ЗА ЧИТАТЕЛЯ¹

ВАЛЕРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ЕСИПОВ

Вологда, Россия

valery.esipov@gmail.com

ORCID: 0000-0002-9519-560X

АННОТАЦИЯ

В. Шаламов и А. Солженицын – два наиболее известных представителя лагерной прозы в русской литературе XX века. Современное восприятие этих авторов и их книг связано со сложными проблемами, проанализированными в этом докладе. Целый ряд фактов показывает общее охлаждение читателей к личности и творчеству Солженицына, несмотря на поддержку его авторитета сначала западным сообществом, а затем — новой российской властью. С другой стороны, факты демонстрируют нарастание интереса читателей к личности и творчеству Шаламова, никогда не имевшему официальной поддержки и находившемуся в тени Солженицына. В докладе анализируются социальные и политические причины этой ситуации с привлечением малоизвестных сведений из биографий двух писателей и полемики, которую они вели между собой при жизни.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русская литература XX века, советская история, «лагерная проза», правда в литературе, политическое манипулирование, современное восприятие

VALERY VASILYEVICH ESIPOV

Vologda, Russia

SHALAMOV AND SOLZENITSYN: A REARGUARD BATTLE FOR THE READER

ABSTRACT

V. Shalamov and A. Solzhenitsyn are two famous representatives of the camp prose in Russian literature of the 20th century. Modern perception of these writers and their works is associated with complex problems analyzed in this report. A number of facts show the general cooling of readers to the personality and works of Solzhenitsyn, despite the support of his authority at first by the Western community, and then – by the new Russian government. On the other hand, the facts demonstrate the growing readers' interest to the personality and creativity of Shalamov, who never had official support and was in the shadow of Solzhenitsyn. The report analyzes social and the political reasons for this situation with the involvement of little-known information from biographies two writers and polemics, which they conducted among themselves during their lifetime.

KEYWORDS: Russian literature XX century, soviet history, camp prose, verity in literature, political manipulation, modern perception

¹ Полная редакция текста, прочитанного в кратком варианте на пленарном заседании Международной Конференции Русистов [МКР -2018] в Барселонском Университете, Барселоны, 22 июня 2018 г.

В последние годы В. Шаламов — один из наиболее переводимых русских писателей за рубежом. Его книги вышли на всех мировых языках, включая испанский, за что мы должны быть благодарны профессору Р. Сан Висенте, недавно завершившему перевод всех шести сборников «Колымских рассказов». Еще раньше мы должны быть благодарны выдающемуся испано-французскому писателю Х. Семпруну, который, собственно, заново привлек внимание к личности и творчеству Шаламова во всей Европе, назвав в 2007 г. «Колымские рассказы» «важнейшей книгой XX века» и поставив ее выше «Архипелага ГУЛАГ» А. Солженицына (Семпрун 2007). Под влиянием оценок Х. Семпруна, бывшего узника Бухенвальда, и в Германии издан 6-томник Шаламова, пользующийся большим успехом. Отстает в этом плане только, как ни странно (а может быть, закономерн?), англоязычный мир, первым поднявший на щит Солженицына в 1970-е годы и оставивший Шаламова в его тени. После неполных переводов «Колымских рассказов» в США, сделанных в начале 1980-х Д. Глэдом, прошло почти сорок лет, и только сейчас в издательстве «The New York Review of Books» вышли три первых цикла «Колымских рассказов» в новом переводе Д. Рэйфилда (завершение полного издания рассказов планируется в 2019 году). В свою очередь, «Архипелаг ГУЛАГ» после своего памятного грандиозного триумфа в США и Европе уже практически не переиздается².

Эти метаморфозы, ярко раскрывающие новые общемировые тенденции, требуют большого и серьезного анализа, и я могу взять лишь несколько аспектов, касающихся России. У нас ситуация значительно более парадоксальна. После того, как произведения А. Солженицына долгое время были запрещены, в конце 1980-х годов, еще при существовании СССР, в условиях «перестройки» началось их широкомасштабное тиражирование, а сам автор превратился в культовую литературно-политическую фигуру. Пышное возвращение Солженицына в Россию в 1994 г., когда наиболее экзальтированные поклонники писателя стали рассматривать его кандидатуру на пост Президента РФ (взамен начавшего утрачивать доверие Б. Ельцина), во многом совпало с тем предсказанием, которое сделал В. Войнович в своем сатирическом романе «Москва 2042», герой которого, воплотивший черты Солженицына, въезжает в столицу на белом коне и становится монархом (Войнович 1987; Войнович 2002). Сбылось и другое предсказание, сделанное М. Розановой с присущим ей сарказмом, — о «солженизации всей страны» (Розанова 1990). Этот процесс выразился в официальном провозглашении Солженицына «великим

² Нельзя не отметить, что в 2015 г. «Архипелаг ГУЛАГ» был издан в коммунистическом Китае. Это можно было бы считать эпохальным событием, если бы тираж книги не был так мал для многомиллионной страны — 3 тыс. экз. Шаламов и здесь имеет символическое преимущество — его «Колымские рассказы» выпущены в Китае в 2016 г. тиражом 5 тыс. экз.

писателем», «писателем №1» современной России и в мобилизации научных, образовательных, издательских и медийных ресурсов государства на пропаганду его творчества и его идей. Произведения Солженицына («Матренин двор», «Один день Ивана Денисовича») вошли в обязательную школьную программу по литературе, а в 2008 г., после смерти писателя, по указанию тогдашнего премьер-министра страны В. Путина министерство образования включило в эту программу и «Архипелаг ГУЛАГ». Вскоре вдовой писателя Н. Солженицыной было подготовлено сокращенное издание этой книги для школ, выпущенное в 2010 г. в свет государственным издательством «Просвещение». Однако в реальности книга до учащихся не дошла, что было связано с общественным сопротивлением, исходившим прежде всего от школьных учителей, особенно в провинции. В сжатом виде их претензии выражены так: «Архипелаг ГУЛАГ» не имеет отношения к литературе, это публицистика; с идеологической точки зрения произведение небезукоризненно; в нем тенденциозно, однобоко трактуется драматическая и героическая советская эпоха» (Лазарев 2011).

Уже эти факты показывают, что отношение к Солженицыну в России крайне противоречиво, и отрицательные его оценки сближают разные слои общества: от интеллектуалов до рядовых педагогов. Причем, ни тех, ни других нельзя отнести к коммунистам: речь идет скорее об отторжении авторитарно навязываемых представлений и ценностей – в первом случае, проистекавших от самого Солженицына еще во время его деятельности на Западе, во втором – от современной власти, решившей сделать ставку на Солженицына как одну из своих главных идеологических опор. Очевидно, что власть и ее окружение слабо ориентируются как в общественных настроениях вокруг «проблемы Солженицына», так и в реальном содержании произведений писателя, прежде всего «Архипелага ГУЛАГ», а также книги «Бодался теленок с дубом». Только этим можно объяснить последующее беспрецедентное решение В. Путина – его указ о подготовке к 100-летию Солженицына, изданный за четыре года до этой даты, в 2014 году.³ Характерно, что сомнение в целесообразности столь масштабных почестей писателю, тем более на фоне отсутствия такого же внимания ко многим классикам русской и советской литературы, высказанное одним из участников полемики по этому поводу, встретило дружный отпор официальной и либеральной прессы, опиравшейся на круг апологетов Солженицына во главе с его вдовой.⁴ В дальнейшем публичная дискуссия была свернута, перейдя в социальные сети Интернета, где кипит до сих пор,

³ Указ Президента Российской Федерации от 27.06.2014 г. № 474 «О праздновании 100-летия со дня рождения А.И.Солженицына», URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38618>

⁴ См. дайджест «Российской газеты», URL: <https://rg.ru/2014/09/25/solzhenicyn.html>, а также материалы сайта «Литературной газеты» с откликами читателей, URL: http://lgz.ru/news/nataliya_solzhenitsyna_i_yuriy_polyakov

демонстрируя непримиримый характер. В связи с этим трудно ожидать, что приближающийся юбилей Солженицына (11 декабря нынешнего года) будет способствовать консолидации постсоветского общества – наоборот, можно предугадывать, что он еще более усилит существующие расхождения в оценках писателя и, следовательно, углубит тот социальный и когнитивный раскол в России, источником и катализатором которого во многом стала сама деятельность Солженицына, с начиная с 1960-х годов.

Обращение к тому давнему времени, о котором на первом пленарном заседании нашей конференции так хорошо говорил уважаемый Ж. Нива, крайне полезно, поскольку помогает понять причины и механизмы мифологизации личности Солженицына. Причем, здесь мы столкнемся со своеобразным преломлением проблемы «искренности в литературе», затронутой Ж. Нива. Наиболее рельефно эта проблема обнажается при сопоставлении творческой и поведенческой практики Шаламова и Солженицына, определявшейся не только разницей их лагерного опыта и взглядов, но и этических представлений.

Следует напомнить, что свои первые рассказы о лагере Шаламов начал писать еще в 1954 году, вскоре после смерти Сталина и своего возвращения с Колымы, где находился в заключении с 1937 года. В своих рассказах он изначально стремился к правде, «как бы она ни была страшна» (Шаламов 2013: VI, 288), делая акцент на изображении «новых психологических закономерностей поведения человека в лагере» (Шаламов 2013: V, 145-146) и не допуская мысли о каком-либо приспособлении к цензуре. «Вопрос «печататься – не печататься» для меня вопрос важный, но отнюдь не первостепенный. Есть ряд моральных барьеров, которые перешагнуть я не могу», – писал он Б. Пастернаку (Шаламов 2013: VI, 54).

Фактически Шаламова, а не Солженицына следует считать первооткрывателем лагерной темы в советской литературе, т.к. ко времени публикации «Одного дня Ивана Денисовича» в 11-м номере «Нового мира» за 1962 г. им было написано около 60 произведений о лагере, включая первый сборник «Колымских рассказов» и «Очерки преступного мира». Но судьба прозы Шаламова оказалась иной ввиду его бескомпромиссной позиции художника. Лагерь нисколько не поколебал его высоких нравственных принципов, воспитанных в детстве, в семье священника, и в своем поведении Шаламов всегда демонстрировал полную прямоту. Надеясь, что после публикации повести Солженицына путь лагерной теме открыт, в ноябре того же 1962 г. он отправил свои рассказы в «Новый мир», а также в издательство «Советский писатель». Однако они были отклонены, причём, издательство вернуло их с грубой уничижительной формулировкой-приговором: «На наш взгляд, герои Ваших рассказов лишены всего человеческого, а авторская позиция антигуманистична» (Есипов 2012: 255; Шаламов 2013: VII, 357). Примечательно, что партийный

рецензент А. Дремов противопоставлял «Колымским рассказам» повесть Солженицына как более соответствующую принципам соцреализма: «Если Солженицын старался и на лагерном материале провести мысль о нестигаемости настоящего человека, то Шаламов, наоборот, всем содержанием рассказов говорит о неотвратимости падения...» (Есипов 2007,70).

Между тем повесть Солженицына с ее главным героем-крестьянином Шуховым рассказывала скорее о приспособляемости человека. В данном случае можно говорить также и о приспособляемости автора: позднее, в книге «Бодался теленок с дубом» (1975), он признавался, что сознательно «облегчал» повесть и писал ее в расчете на то, что к ее главному герою – «простому мужику» – «не могут остаться равнодушны верхний мужик Твардовский и верховный мужик Хрущев» (Солженицын 1991: VI, 18). В целом книга «Бодался теленок с дубом» во многом саморазоблачительна: наряду с мессианскими и нарциссическими комплексами автора она ярко раскрывает его постоянную склонность к актерству и откровенному лицемерию. Становится очевидно, что писатель изначально маскировал свои настоящие взгляды, избрав тактику: «Никогда не выделяться ни на плечо в сторону бунта, борьбы, быть образцовым советским гражданином» (Солженицын 1991: VI, 10), и связывая свои интересы с будущими публикациями на Западе (Солженицын 1991: VI, 11-15; подробнее: Есипов 2007: 118-124). Подобная тактика сама по себе подразумевала неискренность или двойную игру как в отношениях с окружающими, так и в литературной работе.

Причем, такую двойную игру Солженицын вел не только с властями, но и с редактором «Нового мира» А. Твардовским. Близко наблюдавший терзания Твардовского А. Кондратович писал: «Откровенность, искренность во взаимоотношениях он ценил выше всего. Солженицын не был с ним искренен – и это А.Т. тяжело переживал. В известной мере переживал как предательство, а что может быть тяжелее этого» (Кондратович 1991: 225). В связи с выходом книги «Бодался теленок с дубом» дочь Твардовского историк В. Твардовская открыто заявляла: «Вы с предельным цинизмом, хотя иной раз и не без кокетства, рассказываете, как сделать обман правилом в общении не только с теми, кого считали врагами, но и с теми, кто протягивал Вам руку помощи...» (Твардовская 1975).

Печальная истина состоит в том, что, не имея возможности знать подлинное лицо Солженицына и многие реальные факты его биографии, редакция «Нового мира» невольно создала ему огромный литературный авторитет «первооткрывателя лагерной темы» и образ «борца за правду» как в СССР, так и за рубежом. Таким образом была заложена основа мифа, на который стал опираться сам автор «Ивана Денисовича» и его апологеты. В связи с этим можно сделать вывод, что Солженицын своим примером символизировал окончание эпохи «искренности» в советской литературе и

начало нового этапа – превращения литературы в средство достижения внелитературных целей, в инструмент политики и политического манипулирования...

Стоит заметить, что раскрытая самим Солженицыным в «Теленке» его склонность к блефованию, «раскидыванию чернухи» (на лагерном жаргоне – вранью, «запудриванию мозгов») многими читателями, а также критиками (Лакшин 1994: 358) рассматривалась как следствие долгого пребывания автора в заключении. Об этом с большим пафосом заявлял сам писатель: «Мои навыки – каторжанские, лагерные. Без рисовки (?) скажу, что русской литературе я принадлежу не больше, чем русской каторге, я воспитался *там*, и это навсегда» (Солженицын 1991: VII, 126). В действительности это было огромным преувеличением и самомифологизацией: как стало известно позднее и как подтверждено его официальным биографом (Сараскина 2008: 932), из 8 лет лишения свободы, определенных бывшему капитану Советской армии в 1945 году, он провел в особом лагере в Экибастузе около полутора лет (с августа 1950 до января 1952 г.), при этом лишь несколько месяцев работал в бригаде каменщиков, где основное время исполнял должность бригадира, что трудно назвать «каторгой». Четыре же года до этого – что общеизвестно – он пребывал в московской привилегированной «шарашке». Следовательно, указанные выше не лучшие его «навыки» сформировались в гораздо более раннем возрасте.

Сам писатель в одном из своих стихотворений признавался: «Рос я запутанный, трудный, двуправдый» (Островский 2004: 21). В психоаналитической картине его детства выделяется рано проявившийся комплекс «избранности», а также неразборчивость в средствах самоутверждения, беззастенчивый напор или «нахрап» (Давыдов 1998). Тогда же сложилась и склонность юного Солженицына к притворству и лицедейству: недаром он в школе мечтал поступить в театральную студию. Замечание первой жены писателя в связи с тем, как по-новому повел себя муж после успеха «Ивана Денисовича»: «Артистический талант, миновав сцену, пригодился в жизни» – необычайно многозначительно, как и ее же свидетельство о том, что «Саня» нередко «явно переигрывал» (Решетовская 1990: 88). «Переигрывание», т.е. натужную мелодраматическую аффектацию – то, что вырывало из уст К. Станиславского его знаменитое «Не верю!» – можно проследить во многих эпизодах общественного поведения писателя, а также в его литературных и публицистических текстах (в виде всевозможных преувеличений, пафосно-риторических и демагогических фигур речи). Но, пожалуй, ярче всего эта черта его характера воплотилась в приводимой ниже постановочной фотографии (см. илл. 2) и сравнении ее с фотографией Шаламова (см. илл. 1).

Разумеется, перед Шаламовым, с которым познакомился в ноябре 1962 г., Солженицын не рисковал заявлять о своих «каторжанских навыках» – он хорошо знал гораздо более суровую биографию своего собеседника и его «Колымские рассказы». Судя по записным книжкам Шаламова, в 1963 г. Солженицын относился к нему с большим пиететом и говорил следующее: «Считаю вас моей совестью <...> Хотел писать о лагере, но после ваших рассказов, думаю, что не надо. Ведь опыт мой четырех, по существу, лет (четыре года благополучной жизни)» (Шаламов 2004: 370-371; Шаламов 2013: V, 360-361).

Таким образом, сам Солженицын признавал приоритет Шаламова в лагерной прозе, и его фраза «Хотел писать о лагере...но думаю, что не надо» – если не считать ее лукавой – показывает, что у него тогда еще не было планов создания «Архипелага ГУЛАГ». В этой связи дату начала работы над своей самой знаменитой книгой, как она позже будет обозначена автором (1958 г.), можно считать мистифицированной. Об этом же говорит и факт тайной встречи Солженицына с Шаламовым, где последнему было сделано предложение о совместной работе над «Архипелагом», – встреча состоялась 30 августа 1964 г. (Солженицын 1999: 166; подробнее: Есипов 2017: 297-301). К этому времени Солженицын неожиданно для себя стал обладателем огромного массива ценнейшего материала – воспоминаний и писем бывших заключенных, пришедших в «Новый мир», а также лично к нему после публикации «Ивана Денисовича», общее число которых достигало 800 (Сараскина 2008: 522). Именно этот «подарок судьбы» заставил его радикально переоценить свои перспективы в лагерной теме и послужил толчком к идее создания «Архипелага» с расчетом на сенсационную «взрывную» публикацию его на Западе.

Трудно понять, почему Солженицын предлагал Шаламову вместе работать над этой книгой. Неужели он не понимал, что перед ним крупный самостоятельный писатель, у которого есть своя святая и неизбывная – колымская – тема, и которому оскорбительно быть подручным, тем более в работе с чужим материалом? Шаламов сразу почувствовал в замысле Солженицына сугубо прагматический расчет и записал в своем дневнике: «Почему я не считаю возможным личное мое сотрудничество с Солженицыным? Прежде всего потому, что я надеюсь сказать свое личное слово в русской прозе, а не появиться в тени такого, в общем-то, дельца, как Солженицын»; «я никогда не мог представить, что может в двадцатом столетии появиться художник, который может собрать воспоминания в личных целях» (Шаламов 2004: 373; Шаламов 2013 5: 363). С середины 1960-х годов он порвал всякие отношения с Солженицыным, а в дальнейшем, зная, что работа над «Архипелагом» идет, и имея поводы сомневаться в добросовестности автора, передал ему, что запрещает использовать какие-либо факты из своих работ. Но это не подействовало: особенно много фактов из рассказов Шаламова вошло во второй том «Архипелага»,

изданный в 1974 г. в Париже, а одна из глав этого тома «Социально-близкие» (об уголовниках) представляет закамуфлированный плагиат «Очерков преступного мира» (Есипов 2017: 314-330).

Судя по всему, Шаламов не стремился прочесть «Архипелаг ГУЛАГ», но ему стала известна (возможно, от кого-то из знакомых) крайне оскорбительная для него фраза из второго тома. Безосновательно назвав известное письмо Шаламова в «Литературную газету» (1972) «отречением» от «Колымских рассказов», Солженицын позволил себе при этом злорадную «шутку»: «...Так мы поняли все, что – умер Шаламов» (Солженицын 1974 2: 610; фраза сохранена в английском переводе книги 1975 г., но в русскоязычных изданиях, начиная с «вермонтского» 1980 г., удалена). Появление такой фразы не было случайностью: Солженицын еще раньше публично объявлял Шаламова «тяжело больным», а в своем мемуаре писал, что при последней встрече в 1964 г. у того были «уже чуть безумноватые глаза» (Солженицын 1999: 168), намекая на его психическую неадекватность. В итоге слова «умер Шаламов» явно выдавали его желание не просто дискредитировать своего главного литературного соперника, а уничтожить его в глазах общественного мнения, тем самым возвысив себя и свой «Архипелаг». Об этом прямо писала И.Сиротинская: «На Западе важно было оказаться первым и как бы единственным» (Сиротинская 1997: 75).

Хранительница архива Шаламова и публикатор его произведений И. Сиротинская обнаружила и впервые напечатала в 2001 г. наброски его неотправленного письма Солженицыну, написанного в 1974 г. в ответ на упомянутую фразу. Проникнутое трудно сдерживаемым гневом, письмо, в частности, гласило:

«Г<осподин > Солженицын, я охотно принимаю Вашу похоронную шутку насчет моей смерти. С важным чувством и гордостью считаю себя первой жертвой холодной войны, павшей от Вашей руки.

Если уж для выстрела по мне потребовался такой артиллерист, как Вы, – жалею боевых артиллеристов.

Но ссыла на «Литературную газету» не может быть удовлетворительной и дать смерть. Дают ее стихи или проза. <...>

Я знаю точно, что Пастернак был жертвой холодной войны, Вы – ее орудием.

«Вы – моя совесть». Разумеется, я все это считаю бредом, я не могу быть ничьей совестью, кроме своей, и то – не всегда, а быть совестью Солженицына...» (Шаламов 2001: 377-380; Шаламов 2004: 375-377; Шаламов 2013: 365-367).

Комментируя эту конфронтацию, нельзя не вспомнить некоторые эпизоды истории русской литературы, особенно XIX века, которая богата фактами непримиримой вражды между писателями (например, между Тургеневым и Достоевским). Однако мы не можем припомнить случая, когда бы один писатель публично, на весь мир, объявлял другого

«умершим». Перешагнув через эту черту, Солженицын еще раз продемонстрировал, что страсть к самоутверждению для него выше любых этических норм, и пресловутый «нахрап»⁵, несмотря на обращение к Богу, властвовал над ним. В ответе же Шаламова очевидна большая трезвость и проницательность, особенно в определении своего оппонента как «орудия холодной войны» и в серьезных сомнениях в его «совести». Таким образом, Шаламов являлся одним из первых, кто был убежден, что автору «Архипелага ГУЛАГ» и содержанию его книги не стоит слишком доверять.

К глубокому сожалению, эти предупреждения Шаламова, как и его дневниковые записи о Солженицыне, в свое время остались неизвестными. Характерно, что и донныне они замалчиваются широким кругом российских и зарубежных литературоведов, придерживающихся позиции всемерного восхваления «писателя №1». Между тем открытие еще в период «перестройки» и в 1990-е годы ранее засекреченных архивов и других источников о лагерной системе в СССР показало, что «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына создал во многом ложную, крайне тенденциозную картину не только этого периода, связанного с правлением Сталина, но и о всего советского периода истории России. Наиболее ярко это проявилось в безответственном, со ссылками на сомнительные источники, манипулировании писателем огромной цифрой жертв репрессий – 66, 7 миллиона человек (Солженицын 1974: II, 8; Солженицын 2006: II, 8). Здесь стоит напомнить и о выступлении писателя Солженицына по испанскому телевидению 20 марта 1976 г., когда он, в очередной раз блефуя, прибавлял к этой цифре потери СССР в Великой Отечественной войне (завышенные почти в два раза) и заявлял: «Итак, всего мы потеряли от социалистического строя – 110 миллионов человек!» (Солженицын 1996: 451)⁶.

Последняя цифра, ввиду ее откровенно бредового характера, не вошла в арсенал информационно-пропагандистских средств холодной войны, однако «66,7 миллиона» широко эксплуатировались в западных СМИ и многими принимались на веру. Их можно сравнить со своеобразными каббалистическими знаками или с «черной магией», заворожившей едва ли не все мировое общественное сознание. Характерно, что в августе 2008 г., в связи со смертью Солженицына, американская газета «The Wall Street Journal» писала в своей передовой статье: «... Концлагерем Ивана Шухова был на самом деле весь Советский Союз. После выхода в Париже в 1973 году монументального труда

⁵ Следует напомнить, что одно из основных значений слова «нахрап», согласно словарю В. Даля, – «бесстыжая наглость».

⁶ Интервью испанскому телевидению передавалось в прямом эфире в популярной поздневечерней программе «Directísimo». Подробный отчет – в мадридской «Informaciones», 22.3.1976. Русский текст впервые напечатан в журнале «Континент», 1976, № 8. В России впервые – в «Комсомольской правде», 4.6.1991.

Солженицына по истории советской пенитенциарной системы, озаглавленного «Архипелаг ГУЛАГ», ни один серьезный человек ни в одной стране мира больше не сможет оправдывать преступления Сталина или бесчеловечность коммунистического тоталитаризма. Представленные в книге документы доказывают, что на руках у комиссаров была кровь 60 миллионов жертв». Но наиболее показателен заголовок этой публикации, выделенный жирным шрифтом: **«Правда и воля, которые воплощал собой Солженицын, укрепили Запад и помогли ему восторжествовать в «холодной войне».**⁷

Воздавая хвалу «правде и воле» Солженицына сначала, вероятно, стоило бы задуматься о простейшей демографии: могла ли страна с населением 235 миллионов человек (данные по СССР на 1967 г., когда Солженицын завершал «Архипелаг»), потеряв от внутреннего террора якобы четверть населения (подразумевается – мужского), при этом победить гитлеровский фашизм, в войне с которым она реально потеряла 27 миллионов человек? Судя по всему, нисколько не задумывался об этом и нобелевский лауреат, имевший высшее математическое образование. Но самое странное, что грандиозный статистический «фейк» Солженицына был с полным доверием воспринят многими читателями, а также и учеными-филологами в постсоветской России. Например, внезапно «прозревшие» после чтения «Архипелага» авторы одного из учебных пособий писали: «После цифры 66,7 миллиона человек уже ничто не удивительно и не страшно...» (Кондаков, Шнейберг 1994: 6). И это несмотря на то, что уже тогда учеными-историками было доказано, что эта цифра завышена почти в десять раз, а реальная динамика репрессий по-прежнему имеет своим пиком эпоху Сталина, именно 1937-1938 годы (см. илл. 3).

В целом, с современной точки зрения книгу Солженицына невозможно признать сколько-нибудь объективным исследованием как по фактологической основе, так и по концептуальным посылам автора. Собранный и опубликованный нами впервые большой свод критических работ, посвященных «Архипелагу ГУЛАГ» (Есипов 2018), показывает, что буквально на каждой странице этого трехтомного сочинения – рядом и попеременно с эпизодами, внушающими или могущими внушать доверие – можно встретить и грубые натяжки, и перевернутые факты, и подтасовки, и фантастические домыслы. Очевидно, что, понимая ограниченность своего лагерного опыта, Солженицын всеми средствами пытался инкорпорировать его в гораздо более тяжелый и страшный опыт тех заключенных, рукописями которых он пользовался – чтобы от их имени с пафосом говорить «мы», представляя себя выразителем их чувств и мыслей, при этом создавая себе имидж «главного зэка» всей страны. Но натужность,

⁷ URL: <http://inosmi.ru/inrussia/20080805/243009.html>.

искусственность этого имиджа сложно разгадать только слишком доверчивому читателю – а выросшего в последние годы в России нового читателя, знающего биографию и произведения Шаламова, уже трудно, как говорится, провести на мякине.

В подтверждение этого тезиса не могу не привести данные небольшого и не вполне репрезентативного, но все же достаточно красноречивого опроса. Он состоялся в 2017 году, 30 октября, в общероссийский день памяти жертв политических репрессий, на популярном московском радио «Серебряный дождь», позиционирующем себя как «умное радио» для интеллигенции. В программе, посвященной Шаламову, известный ведущий Н.Сванидзе рискнул задать слушателям вопрос: «Кто точнее передал суть ГУЛАГа – Солженицын или Шаламов?» Вероятно, ведущий рассчитывал, что голоса распределятся по крайней мере поровну. Но на самом деле вышло, что все 100 процентов, голосовавших отдали предпочтение Шаламову⁸.

Несомненно, для более объективной картины читательских симпатий необходим полноценный социологический опрос по всей России. Говоря же о результатах блиц-опроса, нельзя не признать, что он вполне определенно обозначает, как минимум, тенденцию значительного возвышения авторитета создателя «Колымских рассказов». И среди главных факторов этого, на наш взгляд, – особо ценимое всеми чуткими читателями ощущение абсолютной подлинности описанного им мира, т.е. высшей искренности в литературе.

Илл. 1

Илл. 2

⁸ URL:<https://shalamov.ru/critique/318/>

Комментарий к илл.1 и 2

В.Шаламов не любил публичности, и в его архиве сохранилось лишь около трех десятков его фотографий. Снимок с любимой кошкой Мухой сделан в 1964 г. Б. Лесняком (Шаламов 2013, 7, 322). Фото хорошо передает простоту и естественность писателя – его невозможно представить «ряженым» в лагерную форму в имя саморекламы, как героя соседнего снимка. Присутствие кошки на руках Шаламова в известной мере раскрывает его философию, сложившуюся после Колымы: «Животных делают из лучшего материала, чем человека» (Шаламов 2013 6: 418).

Солженицын очень любил фотографироваться. Данный снимок взят из большого фотоальбома «Solzhenitsyn: A pictorial record» (London, The Bodley Head, 1974, с.35), составленного самим Солженицыным и содержащего около 100 его фотографий разного периода. Альбом в те же годы выходил во Франции и Германии. Как можно понять, это было частью большой PR-кампании, подготовленной автором в связи с выходом «Архипелага ГУЛАГ». Подпись к снимку гласила: «In the special camp, an the day Solzhenitsyn was released» («В особом лагере, в день освобождения Солженицына»). Вероятно, понимая, что даже доверчивый западный читатель с трудом поверит, что в особых лагерях можно было фотографироваться, впоследствии Солженицын изменил подпись: «Особлаг (сразу по выходе), 1953 г.». Пытаясь представить эту историю более правдоподобной (как это: «сразу»?), его вдова Н.Д. Солженицына после смерти писателя, в 2010 г., сказала корреспонденту «Российской газеты», что фото сделано его знакомым Н.Н.Зубовым уже в ссылке (URL:<https://rg.ru/2010/10/28/kniga.html>).

Все это вызывает очень большие сомнения, т.к. даже по чертам лица нетрудно понять, что снимок сделан гораздо позже 1953 г., когда Солженицыну всего 35 лет. Неслучайно в книге первой жены писателя (Решетовская, 2006, вклейка) этот снимок назван «постановочной реконструкцией», что гораздо более верно по существу. Скорее всего «реконструкция» осуществлялась в 1964-1965 годах, в период работы над «Архипелагом», и имела целью подготовку PR-кампании на Западе. Что касается выражения лица Солженицына, то оно выявляет его немалые актерские усилия, о которых говорилось выше. Примечательно, что в книге «Бодался теленок с дубом», комментируя свой сеанс у фотографа для обложки «Роман-газеты», где в 1963 г. печаталась его первая знаменитая повесть, Солженицын без какого-либо стеснения писал: «То, что мне нужно было, выражение замученное и печальное, мы изобразили» (Солженицын 1991, 6, 33).

Илл.3

График изменения количества осужденных с 1921 по 1953 г.**

** Составлен при подготовке издания на основании архивных статистических справок.

Из книги: «ГУЛАГ: главное управление лагерей. 1918-1960».(Сост. А.И. Кокурин, Н.В.Петров), Москва, Международный фонд «Демократия», 2002, с.431.

Диаграмма показывает динамику изменений количества осужденных по политическим статьям (что соответствует понятию «политические репрессии»). В 1937-1938 гг. из 1, 5 млн. человек около 750 тыс. было расстреляно. Для того, чтобы оценить реальный опыт Шаламова, следует обратить внимание на даты 1929-1931 гг. (его первый лагерный срок) и 1937-1951 гг. (второй срок). У Солженицына – 1945-1953 гг.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Войнович, В.Н. (1987), *Москва 2042*, Москва, ЭКСМО.
- Войнович, В.Н. (2002), *Портрет на фоне мифа*, Москва, ЭКСМО.⁹
- ДАВЫДОВ, О.В. (1998), Демон Солженицына, *Независимая газета*, 18 мая.
- ЕСИПОВ, В.В. (2007), *Варлам Шаламов и его современники*, Вологда, Книжное наследие.
- ЕСИПОВ, В.В. (2012), *Шаламов*, серия ЖЗЛ, Москва, Молодая гвардия.
- ЕСИПОВ, В.В. (2017), *В. Шаламов и «Архипелаг ГУЛАГ*, Шаламовский сборник. Вып.5. Москва, Common place. URL: <https://shalamov.ru/research/317>
- ЕСИПОВ, В.В. (2018), *Книга, обманувшая мир*, Сборник критических статей и материалов об «Архипелаге ГУЛАГ» А.И. Солженицына, Москва, Летний сад.

⁹ В этой книге автор открыто заявил о «созданном коллективным воображением поклонников Солженицына его мифическом образе», приведя также ряд фактов о самомифологизации героя.

- КОНДАКОВ, И.В.; ШНЕЙБЕРГ Л.Я. (1994), *От Горького до Солженицына*, Пособие для поступающих в вузы. Москва, Высшая школа.
- КОНДРАТОВИЧ, А.И. (1991), *Новомирский дневник*, Москва, Советский писатель.
- ЛАЗАРЕВ, Ю.Н. (2011), Изучение А.И. Солженицына в школе в контексте проблем современного литературного образования (по материалам полемики в средствах массовой информации), *Вестник Рязанского государственного университета им. С. Есенина*, 32. URL: [http://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-a-i-solzhenitsyna-v-shkole-v-kontekste-problem-sovremennogo-literaturnogo-obrazovaniya-po-materialam-polemiki-v-sredstvakh#ixzz3S09t31am](http://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-a-i-solzhenitsyna-v-shkole-v-kontekste-problem-sovremennogo-literaturnogo-obrazovaniya-po-materialam-polemiki-v-sredstvakh-massovoy-informatsii)
- ЛАКШИН, В.Я. (1975), *Друзьям «Нового мира»*.¹⁰
- ОСТРОВСКИЙ, А.В. (2004), *Солженицын. Прощание с мифом*, Москва, Яуза, Пресском.
- РЕШЕТОВСКАЯ, Н.А. (1990), *Александр Солженицын и читающая Россия*, Москва, Советская Россия.
- РЕШЕТОВСКАЯ, Н.А. (2006), *В круге втором*, Москва, Алгоритм.
- РОЗАНОВА М.В. (1990), Эмиграция: Капля крови, взятая на анализ? Беседа в редакции с авторами и издателями журналов русского зарубежья, *Иностранная литература*, 1990, 7, 224.¹¹
- СЕМПРУН, Х. (2007), *Интервью «Periodico de Catalunya»*, 13 декабря 2007. Перевод Р. Сан Висенте. URL: <https://shalamov.ru/critique/248>
- САРАСКИНА, Л.И. (2008), *Солженицын*, Серия ЖЗЛ, Москва, Молодая гвардия.
- СИРОТИНСКАЯ, И.П. (1997), В. Шаламов и А. Солженицын, *Шаламовский сборник*, 2, Вологда, Грифон.
- СОЛЖЕНИЦЫН, А.И. (1974), *Архипелаг ГУЛАГ*, т. 2, Париж, YMCA-Press.
- СОЛЖЕНИЦЫН, А.И. (1991), Бодался теленок с дубом, *Новый мир*, 6,7.
- СОЛЖЕНИЦЫН, А.И. (2006), *Архипелаг ГУЛАГ*, тт. 1-3, Екатеринбург, У-Фактория.
- СОЛЖЕНИЦЫН, А.И. (1996), *Публицистика в 3 томах*, т. 2, Ярославль, Верхне-Волжское книжное издательство.

¹⁰ Статья, посвященная книге Солженицына «Бодался теленок с дубом», распространялась в самиздате, впервые опубликована в альманахе «Двадцатый век» (Лондон, 1977, вып.2). Под названием «Солженицын, Твардовский и «Новый мир» вошла в посмертную книгу В. Лакшина «Берега культуры», Москва, МИРОС, 1994. В этой статье критик называл Солженицына «лагерным волком» (с. 358).

¹¹ Дословно мысль М.Розановой, соредатора А. Синявского по журналу «Синтаксис», звучала так: «Вас ожидает солженизация всей страны. И как вы с этим справитесь, вы, все вместе взятые, вы, тело, от которого мы чуть-чуть отделились, мы не знаем. И мы возвращаемся к тем же сюжетам, потому что ваша будущая боль — это наша вчерашняя боль, мы это все уже пережили». Каламбур «солженизация» обыгрывает известную формулу В.И. Ленина: «Коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны», а также ее дополнение, сделанное Н.С. Хрущевым: «...плюс химизация народного хозяйства».

- СОЛЖЕНИЦЫН, А.И. (1999), С Варламом Шаламовым, *Новый мир*, 4.
- ТВАРДОВСКАЯ, В.А. (1975), Открытое письмо А.И.Солженицыну по поводу его книги «Бодался теленок с дубом», *Unita*, 24 марта 1975 г. (Машинопись русского текста из архива автора).
- ШАЛАМОВ, В.Т. (2001), *Воспоминания*, Москва, Олимп-АСТ.
- ШАЛАМОВ, В.Т. (2004), *Новая книга. Воспоминания. Записные книжки. Переписка. Следственные дела*, Москва, ЭКСМО.
- ШАЛАМОВ, В.Т. (2005), *Собрание сочинений в 6 томах*, Москва, Терра - Книжный клуб.
- ШАЛАМОВ, В.Т. (2013), *Собрание сочинений в 6 томах + 7 том доп.*, Москва, Терра – Книжный клуб – Книговек.